

Виктор ДЬЯКОВ (г.Москва) ГРЕЧНЕВАЯ КАША

Мать неожиданно уехала в командировку и Ирине, студентке-второкурснице, предстояло два дня исполнять ее домашние хозяйственные обязанности. Казалось, ничего особенного, что за дела убирать квартиру да кормить завтраком и ужином уходящего на работу и приходящего с нее же отца. Утром первого дня они позавтракали еще тем, что приготовила перед отъездом мать. Но ужин уже готовить предстояло самой Ирине. Придя домой после шести часов институтских занятий, она наскоро убралась и стала прикидывать, что бы приготовить.

Ира не собиралась слепо копировать мать. Ей хотелось приготовить нечто, чтобы отец сразу почувствовал особую о нем заботу любимой дочери. Их стол, стол обычной среднестатистической советской семьи из трех человек, был самый что ни на есть средний — не голодали, но и особых разносолов тоже не водилось. Открыв буфет, Ирина стала перебирать пакеты с крупой. На глаза попался рис. Приготовить рисовую кашу и сдобрить ее сливочным маслом, а колбасу подать как закуску? Но это, хоть и не часто, готовила мать. Нет, надо что-то... В дальнем углу буфета стояла большая жестяная банка. Ира открыла ее. Там оказалась гречневая крупа. Почему-то мать никогда не готовила дома гречневую кашу. Как-то, когда они с ней гостили у тетки, та накормила их такой вкусной кашей, что Ира не удержалась и попросила научить ее готовить. Ира решила — она поразит отца именно гречневой кашей, которую мать готовить избегала, а она приготовит и приготовит так...

Каша удалась на славу. Сама юная хозяйка, попробовав, с трудом удержалась, чтобы дождаться отца и не поесть раньше. Она с нетерпением ожидала похвалы своим кулинарным талантам. Когда отец, которого звали Владимир Федорович, в седьмом часу вечера пришел с работы, дочь радостно ему сообщила:

— Папка, ужин готов, мой руки и садись за стол! Не знаю, как у меня получилось, ты попробуй и скажи.

Вид сияющей Ирины говорил сам за себя — она не сомневалась, что приготовленная ею каша придется отцу по вкусу.

— Спасибо дочка, не беспокойся, не такой уж я голодный, могу чего и попроще...

Владимир Федорович прошел на кухню, где его дожидалась горкой уложенная в тарелку гречневая каша, щедро помазанная сливочным маслом. Он увидел эту кашу и... осекся, замолчал. Добрая улыбка до того не сходила с его лица. Он готов был проглотить что угодно, даже пригоревшее и пересоленное, при этом все это неустанно нахваливать, лишь бы не обидеть дочь. Но при виде гречневой каши его улыбка самопроизвольно сползла с лица, которое начало медленно, но неотвратно бледнеть, будто из него постепенно уходила куда-то кровь. Ира не могла осознать реакции отца:

— Папка, что с тобой... тебе плохо!?

Отец несколько секунд молчал, потом справился с собой и невнятно, словно у него что-то случилось с горлом, произнес:

— Спасибо Ира... не надо... ты... ты ешь, а я хорошо сегодня пообедал на работе, в столовой... Извини, я что-то совсем не хочу ужинать. Не обижайся дочка, действительно, совсем не хочется, аппетита нет... Я лучше полежу, голова разболелась...

18 августа 1941 года в день советской авиации в небе над Западным фронтом «висели» только немецкие самолеты. Тем не менее, измученные постоянными боями красноармейцы все же надеялись, что хоть в этот день наконец в небе появится наша авиация, хотя бы один «ястребок», хоть один фанерный У-2... Увы, надежды не сбылись. Позиции дивизии почти час непрерывно перепахивали бомбами «Юнкерсы», потом немецкая артиллерия, потом, как и положено, пошли танки с пехотой. Фронт дивизии, в котором всего третью неделю находился девятнадцатилетний новобранец Володя, прорвали в нескольких местах. Связь штаба дивизии с полками сразу нарушилась. Не имея возможности взаимодействовать, полки дрались каждый сам по себе, кто-то продолжал стоять на своих позициях, кто-то с боем отходил, кто-то обратился в паническое бегство.

Как получилось, что все отделение Володи оказалось в тот день без котелков? Да все от того же. Во время авианалета осколки от бомбы пробili термоса, в которых каждый взвод получал пищу на полевой кухне. Взводному ничего не оставалось, как приказать командирам отделений собирать котелки с каждого отделения и отрядить по одному бойцу с ними для получения завтрака. Но едва кончился авианалет, начался артобстрел, потом пошли танки. В общем, завтрак так и не состоялся, про посланного бойца забыли, а он как сквозь землю провалился со всеми котелками. Да в общем-то и не до него, не до завтрака было. Сначала расчеты противотанковых пушек «сорокапятки» сдерживали атаки танков, а засевшие в окопах пехотинцы винтовочно-пулеметным огнем отсекали пехоту. Немцы отступили и изменили направление атаки, вся масса танков навалилась чуть левее на стык позиций двух батальонов. Почему-то этот болотистый участок метров в тридцать-сорок остался совершенно «бесхозным». То ли не попал в зону ответственности ни того, ни другого батальонов по чьему-то недосмотру, то ли понадеялись, что в это болото немецкие танки все равно не полезут. Но танки смогли там пройти, несмотря на то, что обороняющиеся перенацелили на «болото» огонь батарей с позиций обоих батальонов. Несколько машин прорвались в тыл и, обойдя позиции, принялись утюжить окопы, давить приземистые «сорокапятки»...

Ценой огромных потерь гранатами и прямой наводкой уцелевших орудий прорвавшиеся танки удалось подбить и эту атаку отразить. Но стало ясно: батальон настолько обескровлен, что следующую атаку уже не выдержит, не лучше положение было и у соседей. Полку ничего не оставалось кроме немедленного отступления, ибо, по всему, после обеда немцы готовили решающую атаку. А тут еще, судя по канонаде и слева, и справа, соседние полки не смогли удержаться на позициях и отходили, создавая опасность окружения. Связь со штабом дивизии восстановить так и не удалось, и командир полка отдал приказ об отступлении.

А тот боец с котелками... он так и не появился ни во время боя, ни потом, когда поступила команда сниматься с позиций и отходить. Организованного отхода, однако, не получилось. Идти пришлось пешком по разбитой проселочной дороге, лесом. Сначала попали под обстрел дальнобойной артиллерии немцев. Чтобы выйти из зоны обстрела, пришлось бежать что есть силы. Уже во время этого бега нарушился строй, кто-то отстал, кто-то остался лежать. Потом опять налетели «Юнкеры». Здесь уже пришлось разбежаться по лесу и укрываться под деревьями. Бомбили минут двадцать, а когда улетели, то отступавшие стали вновь выходить и вылезать на дорогу — оглушенные, контуженные, раненные... Тут уж вообще все смешалось, все шли скорым шагом, одной общей кучей, в которой уже не было ни рот, ни батальонов. Канонада сзади стихла, там, где оставались на верную гибель подразделения прикрытия, уже не стреляли. Немцы на танках или мотоциклисты могли вот-вот настичь и навалиться сзади, это стимулировало, и люди почти бежали, если были силы, а если их не было, падали, оставались на дороге, провожая тоскливыми взглядами уходивших.

День выдался погожим, солнечным, но Володя за неполный месяц войны успел столько увидеть смертей и, что еще страшнее, искалеченных, изуродованных тел, оторванных конечностей, обонять сопутствующие всему этому запахи, что уже не мог воспринимать окружающий мир как прежде. И еще одно ощущение не давало ему возможности думать ни о чем другом — чувство голода. На войне вообще очень часто хочется есть, а он не ел со вчерашнего вечера, после которого прошла ночь, напряженный бой и тяжелый марш...

Остановились, пройдя полубегом километров десять-пятнадцать, тоже без команды, самопроизвольно, потому что на лесной поляне стояли их полевые кухни. Целые и невредимые, они слегка попыхивали трубами, словно поджидая бойцов. Все, опять же безо всякой команды, бросились к ним. На радостях, что и от немцев ушли, да еще можно подкрепиться, бойцы самопроизвольно встали в очередь. Уже когда подходила его очередь, Володя вспомнил, что у него нет котелка... Все на месте: винтовка, подсумок с патронами, вещмешок, скатка, пилотка, документы, ложка... а котелка нет. Он растерянно вышел из очереди.

— Ты, кажись, хлопчик из первой роты будешь? — спросил, вглядываясь в него, пожилой старшина-интендант, распорядившийся раздачей пищи

— Так точно, — потерянно ответил Володя.

— Ну, так чего стоишь как неродной, давай свой котелок!

— Нету... утром отдал и все... тут бой начался... — не очень внятно пояснил Володя.

— Что-о-о... котелок потерял!? Ты бы лучше голову потерял. А котелок солдату все равно, что оружие, терять никак нельзя! — возмутился старшина. — Ладно, борщ мне тебе некуда наливать, не в пилотку же, а вот кашу... давай, карманы подставляй, в них насыплю.

— Как это в карманы!? Нет... я лучше у кого-нибудь котелок попрошу, — Володя был очень чистоплотен, и никакой голод не мог заставить его насыпать горячую кашу прямо в карманы... и потом есть.

— Ну, пошукай, пошукай... только не долго, слышишь, немец вот-вот подойдет, — укоризненно покачал головой старшина.

Володя отошел от кухни и, пошатываясь от усталости, побрел по поляне, вглядываясь в небритые обветренные лица солдат, спешно хлебающих первое, борщ с капустой, и второе, гречневую кашу с тушенкой, но никого мало-мальски знакомого не увидел. Казалось, здесь на этой поляне не находилось ни одного человека не то что из их отделения, но и из взвода. Минут десять Володя ходил от одной группы лежащих на траве и поглощающих обед бойцов к другой, приглядываясь к одиночкам... Конечно, рано или поздно он бы нашел того, кто бы одолжил ему котелок. Но тут буквально все две-три сотни человек, собравшихся на поляне, повернули головы в ту сторону, откуда пришли — на Запад. Их привлек с каждым мгновением все более слышимый приближающийся мощный звук танкового двигателя и характерный лязг гусениц... Повисло тревожное ожидание, кто-то стал спешно собираться. Но с той стороны по дороге продолжали прибывать новые группы красноармейцев — уставших, едва волочащих винтовки и вещмешки — они шли довольно спокойно, будто не слыша за спиной этого зловещего лязганья. Один из вновь прибывших, увидев выражения лиц «обедающих», успокаивающе махнул рукой:

— Не бойсь... это наш, «КаВешка» идет!

И в самом деле, вскоре, уминая своими широкими траками рыхлый, разбитый колесами и авиабомбами проселок, на поляну выкатился танк со звездами на большой башне и короткой пушкой, облепленный бойцами. Грозно лязгнув и выдохнув топливный перегар, танк остановился рядом с Володей.

— Спасибо, братцы, что подвезли, — сказал один из сидящих на броне, после чего бойцы попрыгали на землю и, доставая котелки, поспешили к кухням.

Из башенного люка вылез и с ловкой грацией спрыгнул рослый ладный танкист в рубчатом шлеме, из под которого пышно выбивался русский чуб. И вообще, на фоне всеобщей растерянности, неряшливости и измученности, он был какой-то молодцеватый, чистый, удалой. И шлем на нем сидел красиво, и комбинезон облегал его так, будто шился в ателье на заказ, удачно подчеркивая широкий разворот плеч и узость талии. Спокойно с полуулыбкой оглядев спешно хлебующее и жующее воинство, танкист, у которого из под комбинезона виднелась гимнастерка с чистейшим белоснежным подворотничком и петлицами со знаками различия старшего сержанта, обратился к молодому бойцу, стоявшему рядом и во все глаза рассматривающего его и вылезших из танка вслед за ним его товарищей:

— Слышь, браток, здесь у вас кроме кашеваров есть какое-нибудь начальство? Нам бы доложиться надо, лучше лично командиру третьего полка майору Кононову. Ты-то сам из третьего?

— Из третьего... Но нет здесь командира полка. Посмотрите, может, кого из офицеров и найдете. Я вот сам ни роты, ни взвода найти не могу, — тоскливо ответил Володя.

— Понятно-о-о, — раздосадовано протянул старший сержант, но тут же его глаза обрели веселый блеск. — Но нет худа без добра... Может, подхарчимся сначала, как думаете, ребята!? — повернулся он к своему экипажу.

— Да нам тут навряд ли дадут, мы ж на довольствии-то в их полку не поставлены, тут, наверное, только своих кормят, — неуверенно ответил худощавый башенный стрелок.

— А это мы сейчас поглядим, — командир танка вновь повернулся к Володе. — Слушай, не в службу, а в дружбу, помоги. Действительно, нас тут могут и не покормить, а мы с самого утра не жрамши. Понимаешь, с самого ранья получили приказ выдвинуться в ваш полк и укрепить оборону, так сказать, огнем и блеском стали. Вот движемся, а тут нам навстречу все сломя голову, кто конный, кто на машине, а больше на своих двоих. Отступаем, говорят. Ну, мы с дороги-то съехали, чтобы не загораживать, в лесу постояли, часа два. Тут фрицы с неба налетели, но нас не заметили... А ваши все бегут и бегут. Ну что тут делать, фрицев дожидаться? Мы тогда, значит, ваших вон на броню сколько смогли посадили, да тоже газу до полика притопили. Ну, вы, ребята, драпать здоровы, еле успели за вами, — натужно засмеялся танкист.

Володя молчал, даже не улыбнувшись в ответ. Танкист понял, что веселость здесь совсем не к месту, спросил уже серьезно:

— Что, бой был сильный... потери большие?

— Да... много там положили, да еще в лесу артиллерией и «Юнкерсами» накрыли, когда отходили. Раненых даже не успели вывезти, — нехотя ответил Володя.

— Понятно, — тяжело вздохнул и сразу помрачнел танкист. Тактично помолчав, вновь спросил. — Ну что, поможешь? Возьми наши котелки и скажи своим кашеварам, что для раненых, дескать, они сами подойти не могут. Или еще что соври, а то прямо мочи нет смотреть...

— А мне котелок дадите? — с надеждой попросил Володя.

— Котелок?... Да мы тебе сразу четыре дадим, — не понял просьбы танкист.

— Нет, мне самому котелок нужен, а то я свой того, в общем, потерял и тоже поесть не могу.

— Ах вот ты о чем, — вновь заулыбался командир танка. — Мы твоему горю поможем. Мы ведь танкисты, люди запасливые. Саня, слазай, дай этому товарищу по оружию запасной котелок, и наши заодно захвати.

Тот самый худощавый башенный стрелок, видимо пользовавшийся особым доверием командира, полез в танк и вскоре появился оттуда сразу с пятью котелками.

— Держи... Давай двигай, только побыстрее, а то неровен час фрицы налетят, поесть не успеем, — сержант поднял глаза к небу.

— Вам как... во все первое, или в половины первое, а в остальные второе, — спросил Володя, обрадованный, что его мучения разрешились, и он тоже впервые за день поест.

— Как, ребята, первое будем? — вновь обратился к своим сержант.

— Да ну его... видел я тут один пробежал с этим первым, одна вода и капуста. Пусть лучше каши побольше возьмет с тушенкой и хлеба, — отозвался коренастый заряжающий. Остальные согласились...

— Ты чего это... сразу столько несешь, то ни одного, а то сразу пять, а не слипнется столько жрать? — с иронией спросил старшина. А стоящий за ним кашевар с черпаком в руках протяжно заржал, обнажив желтые зубы.

— Да я это... мне... я своих ребят из взвода нашел... там раненых много, вон на танке привезли, они сами идти не могут, — немного волнуясь, озвучил то, что придумал танкист Володя.

— Ой, врешь, хлопчик, — недоверчиво покачал головой старшина.

— Тарасыч? Да черт с ним, скорее разгрузимся да поедем, — опасливо покосился на небо кашевар. — Торчим тут, как шиш на ровном месте, разбомбят, как пить дать, и лошади выпряжены, отъехать не успеем.

— Ладно, давай свои котелки... Так и быть, получай на своих раненых, — насмешливо проговорил старшина, и невольно прислушался, повернул голову в ту сторону, откуда все явственнее слышалась пока еще не очень близкая канонада. Володя не забыл пожелания танкистов, упросил кашевара насыпать только каши с тушенкой, но вот с хлебом произошел облом, хлеб уже кончился. Он пошел назад к танку, стараясь не выронить содержимое котелков. И хоть ему было очень неудобно, но он донес все. Танкисты тоже слушали канонаду и негромко переговаривались.

— Эх, и мы ведь сейчас там бы должны быть, — на этот раз довольно нервно высказался командир.

— Да что бы мы там одни смогли? Видишь, бегут все без оглядки... Сожгли бы нас, и все дела, — возразил коротконогий механик-водитель.

— Не вини себя, Коля. У тебя приказ какой?.. Явиться в распоряжение командира полка, чтобы он нам задачу поставил. А где он этот командир полка, может его уже и в живых нету? А соваться наобум — это наверняка и себя, и машину сгубить, — явно пытался утешить командира стрелок.

— Может, ты и прав, — согласился командир, уже не казавшийся уверенным и молодцеватым.

Повернувшись, он увидел Володю, обвешанного дымящимися котелками. Его комичный вид вновь вернул сержанту хорошее настроение.

— А, брат по оружию... молодец. Самое время сейчас подкрепиться. Спасибо, выручил...

— Только это, ребята... извините, хлеба нет, кончился, — виновато проговорил Володя, отдавая котелки танкистам.

— Это, браток, не беда. Я ж тебе говорил, мы народ запасливый. У нас сухари имеются, так что не пропадем... Ты как, не боишься зубы сломать, сухари будешь?..

Володя пристроился неподалеку. Достал из-за голенища ложку и начал жадно есть пахучую гречневую кашу, заедая ее полученными от танкистов сухарями. Танкисты же приступили к еде с относительным комфортом. Они разогрели на горячих стенках своего машинного отделения, так называемой трансмиссии, воду, сделали чай и запивали им кашу и сухари. Увидев это, Володя вновь подошел к танкистам.

— А вы мне кипяточку не нальете, — вежливо попросил он.

— О чем разговор. Кружку-то ты не потерял?.. Давай, пользуйся, пока у нас движок горячий...

Что надо человеку для счастья? Все зависит от жизненной ситуации. В тот момент Володя был совершенно счастлив. Он пережил такой бой и остался жив, так сказать, в схватке с внешним врагом, а сейчас отбивал атаку врага внутреннего, голода. Он уже не

прислушивался к тому, о чем переговариваются танкисты. По всему, это был очень дружный экипаж, оттуда то и дело раздавался негромкий смех под перестук ложек. Однако возглас их командира сразу прервал и смех и стук:

— Эх ты, мать честная... никак наш командир дивизии катит... Точно, его эмка. Может, он даст команду как нам быть и куда выдвигаться?

— Не лезь, Коля... Я слышал про него, что он психованный и дурной бывает, — раздался в ответ предостерегающий голос стрелка.

Володя посмотрел в ту же сторону, куда смотрели танкисты с высоты своей машины. На дороге, объезжая воронки и газуя, двигалась штабная легковая машина. Она остановилась в метрах десяти-пятнадцати от танка. Из нее вылез полковник в сбитой на затылок фуражке с лихорадочным нездоровым блеском бесцветных глаз, с расстегнутым воротом гимнастерки и расстегнутой кобурой.

— Это какой полк, третий!? Командира полка ко мне! — скорее взвизгнул, чем крикнул полковник.

Не дождавшись никакой ответной реакции от грязных, перевязанных, но упорно продолжающих жевать бойцов, он стал беспокойно осматриваться.

— Командиры батальонов, рот, взводов!.. Есть тут кто-нибудь из комсостава!? — продолжал визгливо вопрошать полковник.

Конечно, на поляне и рядом были офицеры. Володя сам видел, как они подходили к кухням, и с одним капитаном о чем-то разговаривал старшина-интендант... Но сейчас ни капитан, ни кто другой из офицеров не отозвались на команды комдива, явно попрятались, не желая подвернуться под горячую руку полковника, про несдержанность и дурной характер которого ходили нехорошие слухи. Даже старшина, до того монументально маячивший рядом со своими кухнями, сейчас куда-то исчез вместе со своими подчиненными — кухни стояли без obsługi, сиротливо попыхивая

жидким дымком из труб.

Полковник конечно видел стоявший на дороге танк, более того он не мог ехать дальше, потому как тот загорался на дороге. Но он хотел сначала вызвать какого-нибудь старшего офицера и при всех громогласно отчитать: что такое, почему бросили позиции, почему бежите, почему жрете, вместо того чтобы сражаться... И тут же он назначит виноватого и передаст в руки майора, начальника особого отдела дивизии, что сидит на заднем сидении его машины. Но к нему так никто и не вышел, не подбежал с докладом. Казалось, на всей поляне лежали только солдаты и, уткнувшись в котелки, ели с такими лицами, будто все, что происходит вне этого их жующего действия, их совершенно не касалось и не интересовало...

Полковник буквально закипел от злости и бессилия. Даже отдать под трибунал некого, не этих же жующих гречневую кашу рядовых. Он еще раз огляделся и уперся взглядом в танк. Это был КВ, тяжелый танк, гордость всей Красной Армии. Но и он стоял «лицом» на восток, и он отступал, бежал... КВ... это означало сокращенное Клим Ворошилов, легендарный воспетый в песнях красный маршал. Тут же на ум полковнику пришла история-байка, что уже не первую неделю ходила по всем штабам Западного фронта. Поступок маршала ставили в пример всему высшему командному составу: вот так надо поступать с паникерами и трусами. А случилось, якобы, вот что. Ехал себе маршал инспектировать боевые соединения. Подъезжает к фронту, а навстречу ему вот так же целый полк бежит, бросив позиции. Маршал вышел из машины, солдаты, увидев с детства по книгам, фильмам и газетным снимкам знакомое лицо и маршальские звезды, сразу остановились. Ворошилов вызвал командира полка. Тот подходит, весь от страха трясется. Маршал ему приказывает прекратить отступление и контратаковать. Комполка отвечает, что сделать этого не может по тем-то и тем-то причинам. Тогда маршал достает пистолет и тут же при всех его самолично расстреливает, вызывает заместителя и приказывает уже ему принять полк и идти в контратаку. Полк атакует и возвращает позиции... Что в той истории являлось правдой, а что вымыслом, и было ли это на самом деле, никто толком не знал, но сейчас полковник вдруг решил поступить так же. Надо любым способом заставить себя слушаться, внушить страх, заставить себя бояться и подчинить своей воле. Иначе он не мог никого сейчас принудить, даже если сорвет голос... Но если кого-то прямо сейчас на глазах у всех... лучше, конечно, офицера, но их рядом не оказалось, ни одного.

Командир танка не мог не привлечь к себе внимания — крупночертый, рослый, подтянутый... красивый. Среди всех этих измученных, грязных, потных, перебинтованных... он смотрелся как киногерой из патристических фильмов довоенной поры. Именно его внешность и гордая осанка привели к тому, что выбор комдива пал на него.

— Старший сержант, ко мне! — пронзительно, чтобы слышали все, заорал полковник.

Командир танка побледнел, но не потерял самообладания. Он легко спрыгнул с борта своей машины, оправил комбинезон, стряхнул с него крошки, поправил шлем и, сняв котелок с недоеденной кашей с брони танка, поставил его на землю. Видимо, даже в этот момент он подумал, что будет не очень хорошо смотреться, если командир дивизии во время доклада, сзади на уровне его головы увидит этот котелок... и, чтобы он случайно не попал в поле зрения полковника, сержант опустил его на землю. Так мог поступить только очень аккуратный и не теряющийся ни в каких ситуациях человек. Печатаемая строевой шаг, насколько позволяла разбитая дорога, танкист подошел к полковнику и начал четко докладывать:

— Товарищ полковник, докладывает командир танка старший сержант...

Но полковнику не нужен был его доклад, не нужны были превосходные качества этого человека. Ему нужна жертва. А кто ею станет — действительно какой-нибудь трус и паникер, или случайный человек, или даже храбрец, способный на героический поступок... Сейчас это для полковника не имело никакого значения. Ведь он должен любой ценой заставить этих людей идти в бой, а для этого его должны бояться больше, чем противника, от которого они бегут. От этого напрямую зависит и его судьба, карьера, жизнь, наконец. Ведь если бегство не остановить, то и его наверняка не только снимут с должности, но будут судить. Таких примеров было сколько угодно. Случалось, что отдельных комдивов разжаловали, понижали в должностях и посылали в окопы командовать батальонами, в лучшем случае полками, а бывало что и ротами. Нет, он в окопы не хотел, ведь там жизни твоей цена — копейка...

— Молча-а-ать!! Сволочь, я тебе покажу, как бегать от врага, я вас научу!! — полковник сам себя заводил, явно стараясь привлечь внимание как можно большего числа окружающих. И это ему удалось. Все, кто собрались на поляне или прятались с ней рядом, напряженно следили за разворачивающимся на их глазах «спектаклем». — Я тебя куда посылал, сволочь!? Почему такое грозное оружие, доверенное тебе страной, народом, не задействовано в бою... почему отступаете, бежите?! Молча-а-ать!! — полковник в очередной раз прервал попытку танкиста что-то объяснить, и тот так и стоял с ладонью, приложенной к рубчатому шлему. — Тебя, сука... за бегство с поля боя... за трусость и паникерство!!

Все, кто слышал полковника, не сомневались, что сейчас будет объявлено о предании его суду военного трибунала или еще что-то в этом роде, но того, что произошло, не ожидал, наверное, никто. Видимо, полковник еще в машине просчитал все свои действия и поэтому заранее расстегнул кобуру. И хоть руки его дрожали, но импульс приказ, шедший от мозга, был силен: убей его, убей, чтобы выжить самому, чтобы не лишиться генеральской должности, чтобы не попасть под суд... убей, чтобы испугались другие и подчинились тебе... убей, убей...

Полковник выстрелил прямо в лицо старшего сержанта. Это случилось так быстро, что танкист даже не успел опустить руку. Он подался назад, но не упал, а рука по-прежнему, словно одеревенев, отдавала честь. То, что сержант не упал, совсем взбесило полковника:

— Сволочь!! Тебе мало!?. Ещё получи... я тебя научу!!! — визгливо выкрикивал он, посылая пулю за пулей в широкую, по молодецки развернутую вперед, грудь...

Танкист сделал еще несколько шагов назад к танку, и наконец, безвольно опустив руку, беззвучно упал на спину, причем его голова оказалась рядом с его же котелком, который он пару минут назад поставил на землю. Вокруг воцарилась тишина, в той степени, в которой была возможна... Солдаты, видевшие много смертей, не могли поверить, что в относительно спокойной, почти тыловой обстановке, полковник просто так убивает своего же старшего сержанта. Полковник уже не контролировал себя, он стрелял и стрелял, и когда танкист упал, подскочил к нему, и оставшиеся в обойме патроны выпустил уже в лежащего. Танкист был мертв, но полковник не мог остановиться, он хотел еще ударить, унижить этого уже не подававшего признаков жизни человека. Увидел котелок с кашей, стоявший возле головы убитого.

— Сволочь, жрать сюда приехал... я тебя накормлю... до отвала нажрешься! — с этими словами он ударом ноги опрокинул котелок на безжизненное лицо танкиста, и по всему собирался наступить на него и подошвой сапога размазать по нему кашу... Но тут... тут отчетливо, совсем близко, не более чем в полутора-двух километрах «заговорили» сразу несколько танковых орудий.

Полковник опустил уже занесенную ногу и настороженно прислушался. К нему от

машины бежал майор-особист.

— Товарищ полковник! Это немцы! Надо скорее уезжать, они уже близко!

Слова майора моментально отрезвили полковника, он быстро спрятал пистолет в кобуру и, оглядываясь, поспешил к машине.... Но быстро уехать не получилось. Пока «эмка» разворачивалась, потом буксовала в сырой колдобине... В это время башенный стрелок с мертвенно бледным лицом наклонился к своему лежащему товарищу, снял с его лица котелок, потом шлем с головы. Волосы убитого были льняные, а лицо... красивое лицо совсем еще недавно уверенного в себе молодого человека покрыла смесь крови и вареной гречки. Стрелок осторожно стал очищать это месиво с лица товарища и звать его:

— Коля... Коля... ты слышишь?..

Когда осознал, что он мертв, убит... его лицо из бледного стало серым. Он поднялся, держа в руке шлем своего командира. Растерянно огляделся, словно ища у кого-то поддержки, совета. Но его товарищи стояли рядом и тоже не знали, что делать. На глаза стрелка попала «эмка», которая, буксуя, медленно удалялась... А вокруг уже возобновилась вселенская суeta. Все быстро собирались — предстояло срочно отступать дальше. Лишь стрелок не суетился, он действовал быстро и четко, как, видимо, учил его командир. Вскочив на танк, он одним натренированным движением забросил свое тело в люк башни. Тут же башня задвигалась, как и орудие, ловя в прицел удаляющуюся «эмку». Машина отъехала не более чем на пятьдесят-шестьдесят метров, но была уже на краю поляны и вот-вот должна скрыться за деревьями... Снаряд пришелся точно в багажник. Развороченная эмка сделала «прыжок» с дороги в сторону, ударилась о дерево, тут же рванул бензобак, и ее остатки охватило пламя.

Экипаж занес своего командира в танк, после чего двигатель взревел, броневая машина, крутанувшись на месте, развернулась и поехала в сторону приближавшегося боя. Высунувшись из башни, стрелок, перекрывая звук двигателя, закричал:

— Уходите, мы вас прикроем!

А мимо «факела», который представляла из себя «эмка» и ее пассажиры, первыми прогромыхали полевые кухни, следом потянулись солдаты, большинство даже не поворачивали голов в сторону горящей машины.

У Володи каша встала комом в горле, и он не смог ее доест, потому что перед его глазами стояла эта гречнево-кровавая смесь на лице танкиста, ему казалась, что она же и в котелке. Он выбросил остатки каши. Но котелок... котелок он оставил себе, солдату нельзя без котелка. С тех пор он не мог есть гречку...

В глазах Ирины стояли слезы:

— Папка, ну почему ты мне про это никогда не рассказывал? Сколько раз я тебя просила, расскажи про войну, а ты отнекивался. Помнишь, когда еще в школе училась, там девочки отцов своих приводили на девятое мая, они столько всего рассказывали, иногда такие хохмы... Я ведь тоже думала, что война она... ну не такая, как ты рассказал...

— Кто про те хохмы рассказывал или не были на передовой, или сочинители. Правду вообще лучше не рассказывать и не вспоминать. Я про то всегда забыть хотел. Помнишь, ты у меня все спрашивала, почему я по телевизору военные фильмы никогда не смотрю. Там либо вранье, а если правда, то я опять все вспоминаю, что там было. Лучше вообще не смотреть. И гречку лучше не есть... Когда забываю, вроде могу жить, если вспомню — нету никакой мочи, потом сны снятся и голову словно обручем давит. Сколько за войну у меня всего случилось: и ранения, и госпиталя, смертей сколько... А вот это... не могу, лицо того танкиста и каша с кровью... Мать знает, она мне никогда гречку не готовит и сама не ест. А эту, что ты в буфете нашла, она для тетки твоей бережет. Уж больна та ее любит. Когда приезжает, она ее ей отдельно готовит. Потому я тебе и не рассказывал, про то тебе вообще лучше не знать. Но раз уж так вышло, теперь и ты знаешь...